

Нам Джунхо мрачно кивнул. Он уже отработал больше тридцати часов и выглядел так, будто мечтал только об одном — рухнуть домой. Похоже, он пришёл ко мне, чтобы как-то выбить разрешение, но нет.

— Ты же понимаешь, что нельзя?

—

— Хочешь жаловаться — жалуйся доктору Фанте, который сказал, что не придёт.

— Да как я посмею?

— Тогда терпи.

Таковы больницы. Здесь нет ничего невозможного. Сказали прыгать — прыгай. Особенно если приказ отдаёт профессор, а исполняет ординатор — тут без вариантов.

Под глазами у Нам Джунхо залегли тёмные круги. Он, наверное, и не представлял, что так вымотается, когда поступал на неотложку. Помню, каким свежим он выглядел, когда я впервые его увидел, — право, жалкое и печальное зрелище.

— Спал хоть?

— Не пришлось.

Я усмехнулся, глядя, как Нам Джунхо изо всех сил старается не показывать недовольство. Чуть закатал рукав, чтобы глянуть на часы.

— У меня чутьё довольно острое...

— Ах, профессор, только не говорите таких вещей.

— Иди пообедай.

Сейчас было девять утра. Обед в двенадцать, так что сказать «иди пообедай» означало, что он может поспать около трёх часов.

Нам Джунхо предпочёл бы уйти домой, а не спать, но это было не в моей власти. Даже среди профессоров есть иерархия. А я — молодой профессор среди профессоров. Это лучшее, что я мог для него сделать.

— Не хочешь — как хочешь.

— Нет, конечно хочу!

Поняв, что уйти домой не светит, Нам Джунхо быстро сменил тактику. За три года опыта он усвоил: раз домой нельзя — лучше спать при любой возможности.

— Сдашь пациентов — и всё.

— Разумеется.

Нам Джунхо, рассыпаясь в благодарностях, быстро пересказал события ночи.

В больнице у меня чутьё действительно острое. По правде говоря, острое чутьё в больнице часто означает, что тебе просто не везёт.

Медицинский персонал — тоже люди. Когда состояние пациентов ухудшается, работы прибавляется, и неудивительно, что все становятся нервными.

Как только я принял дежурство от доктора Нама по ночным пациентам, в отделение хлынул поток больных.

Ожоги, колотые раны, ампутации пальцев, сотрясения, переломы, послеоперационные

осложнения — и так далее. Суета была такой, что я уже сбился со счёта, кто есть кто.

Халат, который я так бодро нацепил утром, давно канул в небытие. Я где-то набросил его на стул, но вот куда — хоть убей, не вспомню.

Я вертел в кармане больничный пропуск, мысленно раскладывая задачи по полочкам, и вдруг заметил одного врача — судя по виду, интерна.

«Что-то он неважно выглядит».

Среди пациентов и медсестёр он двигался как-то неуверенно. Я уже собирался отложить свои дела и подойти к нему, как интерн вдруг рухнул на бок, задев проходившую мимо медсестру.

Новенькая, которая проработала всего месяц, от неожиданности вздрогнула, увидев, как он падает.

— Доктор, вы в порядке?

Наши взгляды встретились с медсестрой Ли. Я быстро отставил поднос, который держал в руках, и проверил состояние интерна.

— Кто-нибудь, койку сюда!

— Поняла.

Новенькая медсестра поднялась с пола и принялась за дело. Подошли свободный фельдшер и медсестра со стажем. Остальные сосредоточенно занимались своими пациентами — будто так и надо. Мы действовали слаженно, словно знали, что интерн сейчас рухнет.

Я поспешил к упавшему.

— Ну вот, я знал, что так будет. Ты как?

— Да... Похоже, просто обморок.

На счёт «три» мы переложили интерна на койку. Если профессор Ким в операционной, то всё, что происходит в травматологии, — на мне. Я глянул на часы, надеясь, что никого не придётся срочно везти на операцию.

— Я сама займусь.

Медсестра Ли сказала это немного резковато. Могло бы прозвучать грубо, но я знал — у неё такая манера заботы. Для неё это был вежливый тон. И лучше так, чем ввязываться в лишние проблемы из-за обморока интерна.

— Если что — звони.

— Хорошо.

Медсестра Ли кивнула и ловко воткнула толстую иглу в вену интерна. Хотя она и сказала «хорошо», я знал — звонить она не будет.

Я отвернулся от упавшего интерна и посмотрел на часы, висевшие рядом с мониторами. Цифры на электронном табло показывали двадцать. Только тогда до меня дошло, что я забыл про обед — потому и голодный.

Впрочем, сейчас уже время ужина, но, проверив оставшихся пациентов, я наконец сел впервые за много часов.

— Доставку заказываешь?

В последнее время появилось много новеньких медсестёр. Та, что работала подольше, как и я, усмехнулась. Я мельком глянул на её бейдж и спросил:

— Тебе тоже заказать?

На мой вопрос медсестра с восторгом воскликнула: «Ого!» — и довольно улыбнулась. Глядя на экран приложения с доставкой, я понял, что допустил ошибку.

— Но салат — это нормально?

— Да я камни сожру, лишь бы поесть.

Ответила она бодро. Кто-то вдалеке поднял руку. Она сразу поняла — это сигнал для неё, и поднялась с места.

Вернувшись за свой стол и уже забыв, что заказал салат и кофе, я обнаружил растаявший ледяной американо и салат с авокадо. Это больше походило на ночной перекус, чем на ужин.

Только я открыл крышку салата, залил заправку и взял вилку, как ко мне подошла медсестра, отвечающая за вызовы скорой.

— Профессор, мужчина, двадцать с небольшим, колотое ранение.

Я оглядел травматологию, битком забитую пациентами, и сказал:

— Никак нет.

— Их уже везут.

Прежде чем я успел отказаться, медсестра ответила деловым тоном.

— Я сказал — нет, серьёзно, мы не можем их принять. Мы же это обсуждали час назад?

— Обсуждали, но ничего не выходит.

Медсестра приёма вызовов нахмурилась. Ей самой не хотелось идти ко мне с этим. Я запихнул в рот авокадо с зеленью и вскочил со стула.

— В чём дело? Что за проблема?

Медсестра заговорила голосом, в котором звучала уже почти обречённость:

— Фельдшер сказал, что врач, оказывавший первую помощь на месте, запросил доставку именно в нашу больницу.

— Кто они такие, чтобы решать?

Даже если это профессор из другого отделения — пока профессор Ким не выйдет из операционной, сегодня главный в Центре неотложки я.

— Это врач из травматологии.

При упоминании травматологии у меня в голове мелькнуло имя.

— Нет, только не говори, что этого врача зовут Чхве Чжунхан?

— Я как раз пришла спросить у вас. Чхве Чжунхан — это тот доктор, который должен был к нам присоединиться?

Медсестра, похоже, и сама не знала. Как это так — утром столкнуться с пациентом из ДТП, а теперь ещё и с раненым ножом — и оба за пределами больницы? Разве этот тип только что не делал экстренную операцию в другой больнице, ещё и отказ от ответственности подписал?

«А, к тому времени уже всё кончилось».

Проблема была в том, что я стёр доктора Фанту из головы. Я и не думал, что он вообще появится в больнице.

Я махнул рукой, подзывая старшую медсестру. Она и без того была на взводе, но подняла голову.

— Госпожа, до прибытия три минуты! Мы берём пациента, готовьтесь!

— Что?

Сзади раздался голос, полный неверия, но я сделал вид, что не слышу. Короткое восклицание недоговаривало: «Мы же полчаса назад договорились не брать больше пациентов!»

Мне хотелось крикнуть, чтобы вину во всём этого придурка Фанту, но времени не было. Я тоже готовился к приёму. Повернулся к медсестре за столом:

— Госпожа, в Т-ОИТ 2 места нет?

— Нет, нету.

Проигнорировав механический отказ, я твёрдо повторил просьбу:

— На всякий случай проверьте, нельзя ли освободить одно место. Если надо — используйте моё имя.

— Подождите...

Уже загруженная медсестра растерянно окликнула меня, но я был уже слишком далеко, чтобы отвечать. Я встретился взглядом с ординатором, проходившей по коридору. Она заметила, что в и без того кипящем центре назревает новый виток суеты.

Когда я показал на улицу, она быстро сменила направление. Интерн за ней растерялся, но последовал примеру.

— Я слышал, мы больше не берём пациентов.

— Понятия не имею.

Я надул губы, как ребёнок. За каких-то 180 секунд мы подготовили всё, что могли. К зданию центра неотложки подъехала жёлтая «скорая». Дверца распахнулась, и пациента внесли внутрь.

Мужчина был в костюме, но весь в крови. Возбуждённый или нет, он беспрерывно сыпал ругательствами. Двое крепких фельдшеров удерживали его, когда он пытался встать.

— Раз, два, три.

По сигналу медсестры они переложили мужчину на подготовленную койку. Дежурная медсестра быстро воткнула иглу ему в тело.

Ординатор осматривал его, проверяя раны. Я тоже проверил рану на груди. Кровь хлестала не

переставая, пропитывая марлю насквозь.

— Как там рана?

— Вроде терпимо.

— Похоже, дренаж грудной клетки... Что?

Когда я обернулся, рядом стоял высокий мужчина. В центр неотложки не мог войти никто, кроме фельдшеров, пациентов, медперсонала и официальных опекунов. Может, он сопровождающий? Но для этого он казался слишком спокойным.

— ...Господин, профессор Кан?

— А, да, да.

В палате повисла холодная тишина. Я понял, что ошибся. Следовало сосредоточиться на пациенте, а не на этом мужчине. Никто открыто не критиковал, но мгновенное напряжение ясно дало понять — вина моя.

У меня возникло ощущение, что в голове перегорел предохранитель. Технически это была не моя вина. Я подавил вздох и протянул руку к медсестре. Между мной и медсестрой внезапно вмешалась третья рука.

Не дав мне и рта раскрыть, мужчина взял скальпель из рук медсестры. На нём уже были латексные перчатки — я не заметил, когда он их надел. Медсестра растерянно переводила взгляд с меня на него.

— Я сделаю.

— Делайте.

Высокий молодой парень примерно моего возраста — должно быть, тот самый Чхве Чжунхан, о котором говорила медсестра приёма вызовов. Мне не хотелось читать мысли пациента, который и так уже мысленно ругался, поэтому я отступил на шаг. Остальные медики смотрели на меня. Я слегка кивнул, давая знак продолжать работу.

<http://bllate.org/book/20325/2038181>